

**ИНСТИТУТ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ ОБРАЗОВАНИЯ
ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
"ПЕДАГОГИКА ИСКУССТВА"**

№3 2009 год

модели национальной культуры

Щукин Василий Георгиевич, доктор филологических наук, литературовед и культуролог, профессор Ягеллонского университета (Краков, Польша), зав. кафедрой истории русской литературы, Средневековья и Нового времени.
e-mail: wszczukin@yandex.ru

**Московские литературные урочища: Петровский парк (из цикла лекций по мифопоэтике
Москвы) - часть 3 (начало в №1, 2 2009)**

Петровский парк

Во второй половине XIX века русские писатели часто выбирали местом действия своих произведений купеческое Замоскворечье (А.Н. Островский, А.Ф. Писемский) или «капиталистический» Китай-город (П.Д. Боборыкин), однако эти места так и не приобрели статуса «заветных» литературных урочищ, а стали лишь объектами изображения. Как это ни удивительно, однако новые поколения русских литераторов продолжали искать мест особо благоприятных для возбуждения собственного вдохновения не в центре города, а за городом. Одним из таких мест стал Петровский парк.

На рубеже XVIII и XIX веков в нескольких верстах на северо-запад от Тверской заставы находилось село Петровское – усадьба Разумовских, с большим пейзажным парком, который начинался почти что сразу за Петровским путевым замком и простирался до больших прудов на север от главного дома усадьбы. Его северной границей ныне является Большая Академическая улица. Последний владелец имения, граф Лев Кириллович Разумовский, умер без наследников, недвижимость несколько раз приобреталась разными владельцами, которые никак не могли справиться с ее управлением, пока наконец в 1860 году государство не купило Петровское для устройства земледельческой и лесной академии. Петровская академия была открыта в 1865 году. Первый ее садовник, Р.И. Шредер, восстановил старый парк и создал на его территории дендрологический сад (Примечание 1:). Это тихое и живописное место было расположено в непосредственной близости от города, не дальше Марьиной рощи. Близость петербургского тракта, путевого замка Екатерины II, построенного М.Ф. Казаковым и воспетого Пушкиным в «Евгении Онегине», а также популярных в среде московской аристократии и купечества увеселительных заведений – ресторана «Яр» и Цыганского уголка делали Петровский парк особенно привлекательным. Когда же в середине XIX века москвичи стали весьма охотно снимать здесь дачи, то для нужд дачников и студентов сюда провели узкоколейную железную дорогу: от Тверской заставы до центрального здания академии регулярно ходил паровичок. На нынешней Тимирязевской улице, у трамвайной остановки «Красностуденческий проезд» до наших дней сохранился небольшой деревянный павильон одной из станций этой железной дороги, построенный в начале XX века в стиле модерн . О существовании этого павильона мне рассказал писатель Владимир Карлович Кантор, старожил тех мест. В своем микроромане «Крокодил» (1986) он изобразил его как один из этапов пьяных ночных походов главного героя. Пользуюсь случаем, чтобы принести писателю и другу глубокую благодарность .

Очевидным диссонансом во всей этой дачно-усадебной идиллии было то, что студенты Петровской академии принадлежали к поколению «нигилистов», если употребить определение тургеневского Базарова, или «мальчишек», говоря словами Салтыкова-Щедрина, относившегося к этим «мальчишкам» не бескритично, но достаточно благосклонно. Они то и дело протестовали, увлекались социализмом, распространяли нелегальную литературу, устраивали сходки и демонстрации. Образ их мышления, подчеркнута плебейский (или «демократический», как было принято говорить в России) самоуверенно-гордый и не терпевший светских условностей, казалось бы, совершенно не вписывался в меланхолическую атмосферу парка, в его «темные аллеи» и в сонную жизнь состоятельных дачников с их картами, самоварами и неразрезанными романами Тургенева или графа Толстого. Но в 1869 году произошло событие, потрясшее всю Россию: именно здесь, в романтическом гроте на берегу Большого Садового пруда члены общества «Народная расправа» по инициативе Сергея Нечаева убили своего товарища, студента Петровской академии Ивана Ивановича Иванова, по одному лишь подозрению в том, что он мог донести на них полиции...

Общеизвестно, что это убийство стало причиной первого в русской истории явного политического процесса, ход которого широко освещался в печати и сильно повлиял на замысел Достоевского, который в то время работал над романом «Бесы». Мне хотелось бы обратить внимание на иной, геокультурологический аспект всей этой истории.

Преступление нечаевцев вызвало единодушный протест студенческого братства, а злополучный грот стал местом паломничества. Учившийся в Петровской академии в 1874–1876 годах В.Г. Короленко вспоминал, что ежегодно в годовщину трагедии студенты собирались в гроте, который был назван Ивановским в честь убитого, приносили живые цветы и пели песни (4, 137). Невинная демократическая жертва радикальной псевдореволюционности, да к тому же «на природе», в парке, в сентиментальных руинах – вот что послужило мифологизации этого места и превращению его в литературное урочище. Достоевский, которому хотя и не пришло в голову просто-напросто перенести действие «Бесов» в Петровско-Разумовское, видимо, всё же поддался очарованию возникающего на его глазах мифа и особого рода поэтичности. Сцена убийства Шатова (который, как и Иванов, носит «демократическое» имя Иван) происходит в усадебном парке Варвары Петровны Ставрогиной, «где-то в десяти шагах от какого-то угла этого грота». Но, судя по описанию, это место удивительно похоже на окрестности Ивановского грота:

Это было очень мрачное место, в конце огромного ставрогинского парка. Я потом нарочно ходил туда посмотреть; как, должно быть, казалось оно угрюмым в тот суровый осенний вечер. Тут начинался старый заказной лес; огромные вековые сосны мрачными и неясными пятнами обозначались во мраке <...> Неизвестно для чего и когда, в незапамятное время, устроен был тут из диких нетесаных камней какой-то довольно смешной грот. Стол, скамейки внутри грота давно же сгнили и рассыпались. Шагах в двухстах вправо оканчивался третий пруд парка. Эти три пруда, начинаясь от самого дома, шли, один за другим, с лишком на версту, до самого конца парка. Трудно было предположить, чтобы какой-нибудь шум, крик или даже выстрел мог дойти до обитателей покинутого ставрогинского дома (2, 456–457).

Как я полагаю, Достоевский посетил Петровский парк и внимательно осмотрел место преступления, чтобы представить его себе воочию. Он мог это сделать или зимой, в первый свой приезд в Москву после возвращения из-за границы (приблизительно с 29 декабря 1871 до середины января 1872 года), или, что гораздо более вероятно, в октябре 1872 года (с 7 по 13 число), когда он поехал на переговоры с М.Н. Катковым по финансовым делам и по поводу

цензурного запрета, касающегося главы «У Тихона», с включенной в нее поразительной по своей откровенности исповеди Ставрогина (5, 304–305, 320–321). Заметим: писатель описывает осеннюю ночь. Трудно себе представить, чтобы Достоевский, находясь в Москве в «глухую пору листопада», не воспользовался бы представившейся возможностью и не осмотрел бы Ивановский грот как раз в это «убийственное» время года. Как указывают комментаторы романа «Бесы» на основании документов, глава «Многотрудная ночь», содержащая сцену убийства Шатова, тогда еще не приобрела окончательной формы и дописывалась после возвращения писателя в Петербург 13 октября (7, 250–252). Она была опубликована в декабрьской книжке журнала «Русский вестник» за 1872 год.

Великий романист как всегда точен во всем, что касается топографии. Ивановский грот действительно расположен в двухстах шагах от пруда и более чем за версту от усадебного дома (то есть от главного здания Петровской академии), а за прудом (в самом деле третьим, но самым большим) парк действительно уже кончается: дальше на север простирались земли крестьян села Лихоборы. Остатки могучего соснового бора видны и поныне. Трудно судить о том, в каком состоянии находились стол и скамейки в «демократические» семидесятые годы XIX века, но сейчас грот находится в еще большем запущении, чем это явствует из текста романа. Автор этих строк имел возможность лично убедиться в сходстве топографии этого уголка Петровского парка с описанием Достоевского.

Петровский парк и окружавшие его дачи вдохновили также Владимира Короленко, разночинца-демократа и, что не менее важно, выходца из нерусской языковой и культурной среды. Видимо поэтому ему совершенно не по нраву оказалась Москва, которую он описывает как город трущоб, грязных трактиров и разбойничьих вертепов. Вопреки сложившейся традиции он предпочитал Петербург, с которым он связывал надежды на осуществление идеалов научного прогресса, гуманизма и сострадания к бедным. Однако особую симпатию у него вызывает не большой город, а именно пригород, в котором трезво-практический дух новой, более демократичной эпохи органически сочетается с «ощущением парка и свежего воздуха», с романтическими аллеями и мечтами о любви. Красоту отходящей в прошлое дворянской культуры олицетворяли «красивое здание академии, церковка, парк, плотина, пруд под снегом в одну сторону, открытые дали в другую», а новую эпоху – «своеобразный поселок с двухэтажными Ололыкинскими номерами <...> Всюду только фигуры крестьян и студентов» (4, 125). В двух повестях из студенческой жизни: «Проخور и студенты» (1887) и «С двух сторон» (1888, переделана в 1914) – можно наблюдать интереснейшее явление наложения тургеневской лирико-монологической поэтики и тургеневской образности на суровую, сторонящуюся от лирики и метафоры поэтику объектного повествования в духе «социологического реализма» народнического толка. Короленко изображает студенческую жизнь в самом деле «с двух сторон». С одной – свидания в темных аллеях, рыбная ловля с разговорами о философии (совсем как в «Дворянском гнезде» Тургенева, но речь идет не о Шеллинге или Гегеле, а о материализме Фохта), девушка-аристократка, в которую влюбляется и из-за которой бросается под паровичок герой второй повести. С другой же – химические и физические лаборатории, студенческие сходки, полицейский участок и попытки разбудить «сына трудового народа» – пьяного мужика Прошку, что живет в деревне рядом с академией. Таким образом, Короленко удалось найти социальный локус, в котором «барское» изящество органически сочеталось с разночинским аскетизмом и практичностью века лабораторий, машин и капитала. В этом и заключалось особое очарование – урок этого урочища.

На этом позволю себе прервать рассказ о московских литературных урочищах, чья история не прервалась где-то в конце XIX века, когда не только в России, но и во всей Европе ясно

обозначились признаки угасания классической линии развития литературы и искусства. Следующее, двадцатое столетие ознаменовалось резким всплеском нового мифотворчества во всех областях социальной и культурной деятельности – начиная с экономической и политической и кончая бытовым сознанием. Искусство, философия, религия, литература также стали предлагать людям всё новые и новые мифы, которые были по сути дела страшными или сладкими сказками, но в то же самое время содержали в себе немалую долю объективной истины, зачастую неотделимой от вымысла (ср. 11, 193–204). В то же время Россия вступила в пору бурного роста городов; набирал мощи русский урбанизм, интерес к городу, к его истории и топографии заметно возрос. И потому нет ничего удивительного в том, что в XX веке в русском общественном сознании появились мифологические представления об «уроках» того или иного уголка Москвы, Петербурга или провинциальных центров.

Позволю себе лишь перечислить некоторые московские урочища, чей миф дал о себе знать в недавно завершившемся столетии.

Самое важное, самое обширное и нелегко поддающееся описанию и, наверное, самое интересное из них – это **Арбат** и так называемые **арбатские переулки**. Вышеупомянутые топонимы очень неточны: на самом деле речь идет об обширном западном секторе Земляного города, простирающемся от Тверской улицы на севере до Москва-реки и Остожья на юге; Арбат с прилегающими переулками составляют лишь его центральную часть. Здесь, в Старой Конюшенной части, когда-то обитала московская аристократия. В доме профессора М.Г. Павлова в Большом Афанасьевском переулке собирался кружок Станкевича, совсем неподалеку жили Аксаковы, Лермонтов, Хомяков, а на пороге XX века – Владимир Соловьев и Андрей Белый (в одном доме на углу Арбата и Денежного), Михаил Гершензон, Юргис Балтрушайтис, Иван Бунин, Борис Зайцев и Борис Пастернак. Близость университета и консерватории способствовала тому, что этот район превратился в своего рода «интеллигентское гнездо» старой столицы. Репутацию «теплого уголка», в котором горит негасимый огонь знания и культурной деятельности, Арбат приобрел в предреволюционные годы, во многом благодаря литературе и литературному мифотворчеству. Арбатский топос был превращен в урочище благодаря усилиям Бориса Зайцева, как автора романа «Голубая звезда» и целого ряда рассказов, Андрея Белого, как автора романа «Москва», и Михаила Осоргина, как автора романа «Сивцев Вражек»; к сказанному добавим целый ряд ностальгических мемуаров об Арбате – Бунина, Зайцева и других писателей (ср. 3, 149–163). Однако поистине чудесные свойства, вплоть до способности привлекать внимание наивысших кругов нечистой силы, были приписаны этому урочищу на рубеже двадцатых и тридцатых годов в знаменитом романе Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита». Его мифопоэтическая топография уже не раз явилась предметом исследовательского анализа (см.: 6, 10, 8).

Местом, претендующим на роль урочища, может по вполне понятным причинам считаться и **Лубянка** – местоположение тайных карательных органов, локус невинных страданий, казней и пыток. Она попадает в большую литературу сравнительно поздно, после второй мировой войны, но стоит прочитать откровенно мифотворческий очерк Марка Алданова «Большая Лубянка», чтобы убедиться в том, что казнить и мучить стали на этом месте очень давно, еще во времена Ивана Грозного, а продолжали это делать и при Годунове, и при Екатерине II. И даже позже: по московскому преданию, в том самом доме, где когда-то жила Салтычиха, князь Федор Ростопчин, московский генерал-губернатор, который, по всей вероятности, велел поджечь город, когда в него вошли войска Наполеона, самолично растерзал купца Верещагина, сопротивлявшегося поджогам. А спустя столетие с небольшим в том же самом доме поместился московский губернский отдел ВЧК...

И наконец, последний из московских локусов, обращающий на себя внимание и содержащий в себе некоторые черты литературного урочища – **Серебряный бор**, место отдыха «советской аристократии»: представителей власти, привилегированных ученых, деятелей искусств, артистов. Это еще один условный топоним, так как закрытые или, говоря по-советски, «режимные» поселки, дачи или «спецпоселки» строились не только там, но и в Покровском-Стрешневе, Кунцеве, Барвихе, в Соколиной Горе и в других местах на запад от Москвы, вдоль Москва-реки. Серебряный бор с окрестностями (Песчаные улицы и Хорошево) появляется в повестях Юрия Трифонова, но мифической поэтизацией он, конечно, обязан трилогии Василия Аксенова «Московская сага». И оказалось, что автор романа создал еще один образ «близкого загорода» – тихой заводи и мирного семейного очага, о который разбиваются волны житейского моря и политических страстей. Идиллия Аксенова перекликается с одной из первых московских идиллий – с «Бедной Лизой» Н.М. Карамзина, с которой я начал свой рассказ о московских литературных урочищах. Взять хотя бы панораму Москвы, наблюдаемую с мансарды дома Градовых: «На мансарде, из окна которой видна была излучина Москвы-реки и купола в Хорошеве и на Соколе, он стал раздевать жену» (1,22). Не парафраза ли это той самой карамзинской панорамы, с которой начинается знаменитая карамзинская повесть?

На основании проделанного беглого анализа позволительно сделать вывод относительно специфики московских литературных урочищ по сравнению хотя бы с петербургскими: загородные топосы и локусы, которым суждено было приобрести мифопоэтический смысл, в Москве явно преобладают над типично городскими. Начиная с эпохи сентиментализма и вплоть до наших дней поэтичным считается прежде всего место «чистое» и «вольное», напоминающее нам о красотах природы; культурная же смысловая напряженность сама по себе может оказаться недостаточной. Однако в любом из этих случаев особое повышение уровня семантической данного места было связано с фактом пребывания в нем не просто городского жителя, а гения культуры, чья деятельность имела историческое значение. Потенциальная наполненность легендарными смыслами способствовала тому, что урочище становилось предметом литературного описания, местом действия, местожительством героя – превращаясь в факт уже не реального, а поэтического пространства.

Литература:

1. Аксенов В. П. Московская сага. Трилогия. Кн. 1: Поколение зимы. М.: Текст, 1993.
2. Достоевский Ф. М. Бесы // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 10. Л. : Наука, 1974.
3. Кнабе Г. С. Арбатская цивилизация и арбатский миф // Москва и «московский текст» русской культуры: Сб. статей / Отв. ред. Г.С. Кнабе. М.: Изд-во РГГУ, 1998. С. 137–197.
4. Короленко В. Г. История моего современника // Короленко В. Г. Собр. соч.: В 10 т. Т. 6. М. : ГИХЛ, 1954.
5. Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. Т. 2 / Сост. И. А. Битюгова, В. А. Викторovich, Е. И. Кийко, Т. И. Орнатская; Ред. Н. Ф. Буданова, Г. М. Фридлендер. СПб.: Наука, 1994.
6. Мягков Б. Адреса «Мастера и Маргариты» // Куранты: Историко-краеведческий альманах. Вып. II. М.: Московский рабочий, 1987. С. 155–169.
7. Орнатская Т. И., Буданова Н. Ф. [Примечания] // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 12. Л. : Наука, 1975. С. 237–253.
8. Петровский М. Мифологическое градоведение Михаила Булгакова // Театр. 1991. № 5. С. 14–32.
9. Петровско-Разумовское. Интернетный сайт . <http://www.pr-zakaznik.ru/history>
10. Тан А. Москва в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Декоративное искусство СССР. 1987. № 2. С. 22–29.

11. Щукин В. Миф дворянского гнезда. Геокультурологическое исследование по русской классической литературе // Щукин В. Российский гений просвещения: Исследования в области мифопоэтики и истории идей. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. С. 155–458.

Примечание : <http://www.pr-zakaznik.ru/history>